

На правах рукописи

Бугров Константин Дмитриевич

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ XVIII В.**

07.00.02 — Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург — 2018

Работа выполнена на кафедре истории России ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Научный консультант:

доктор исторических наук, доцент **Редин Дмитрий Алексеевич**

Официальные оппоненты:

Анисимов Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный руководитель департамента истории

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», заведующая кафедрой истории Отечества

Марасинова Елена Нигметовна, доктор исторических наук, ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук (г. Москва), ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Защита состоится 22 мая 2018 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»:

<http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=275667>

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А. В. Шаманев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Одной из важных составляющих общественного сознания в России рубежа XVIII – XIX в. является республиканский дискурс, включающий в себя осмысление вопросов о власти, о качествах гражданина, гражданской добродетели и этике. В современной исторической науке республиканизм выделяется как специфическая парадигма идей, оказавшая мощное влияние на становление современной европейской политической культуры от Аристотеля и Цицерона через Н. Макиавелли, мыслителей Английской революции и Ж.-Ж. Руссо до самого конца XVIII в. Ключевые элементы республиканской традиции – это своеобразные концепции добродетели (*virtu*), гражданского равенства, а также историзм, воспроизводящий циклическую модель развития обществ.

Для вестернизирующейся России XVIII в. республиканские идеи были новшеством, поскольку соответствующая традиция на отечественной почве отсутствовала в силу слабого влияния античной интеллектуальной традиции (основным источником республиканской теории в Западной Европе были обращения к римскому историческому опыту соответствующего периода). Адаптация этих идей не была простым процессом, самостоятельно развивающимся с течением времени. Усвоение каждого элемента республиканской парадигмы идей предполагало серьезные изменения в принимающей политической культуре, сложный процесс выработки новых манер политической речи. В процессе адаптации республиканские идеи и понятия своеобразно взаимодействовали с уже укорененными на российской почве политическими и морально-этическими концепциями; многие элементы республиканской идеологии оказывались блокированными. Поэтому изучение процесса трансфера и адаптации идей республиканизма в отечественной общественно-политической мысли является чрезвычайно важным для плодотворного

творного анализа истории российской политической культуры и политической мысли в целом.

Степень разработанности темы. Несмотря на то, что история республиканских идей давно и продуктивно изучается европейскими научными школами, комплексные исследования отечественной республиканской традиции в рамках обозначенной проблематики практически не предпринимались. Среди европейских исследователей наибольший вклад в изучение республиканизма внесли Дж. Покок, Кв. Скиннер, К. Бейкер, М. Вироли, И. Гонт и ряд других специалистов. Предложенный этими исследователями подход к анализу республиканской традиции представляется эффективным, но апробация этого подхода проводилась почти исключительно на материалах истории Западной Европы.

В российской историографии республиканизм XVIII в. не был предметом специального изучения. В основном эти сюжеты рассматривались в рамках истории революционно-освободительного движения, истории русского Просвещения, истории административно-политических структур самодержавия, истории дворянской политической культуры. Немногочисленные работы о российском республиканизме, начавшие появляться в последнее десятилетие, сфокусированы в основном на исторических событиях 1-й четверти XIX в.¹

Целью настоящего исследования является реконструкция процесса формирования республиканских идей в различных коммуникативных полях и дискурсивных практиках в России XVIII в.

Объектом исследования выступает российская социально-политическая мысль XVIII в. **Предметом исследования** является

¹ Каплун В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция: Сборник статей. СПб., 2009. С. 131–152; Grandhaye J. Russie: la République interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe – XXIe siècles). Seyssel, 2012. 373 p.

процесс формирования в российской социально-политической мысли XVIII в. республиканской парадигмы идей.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1. Определить способы репрезентации и содержание различий между монархизмом и республиканизмом в процессе обсуждения актуальных политических проблем XVIII в.
2. Выявить концептуальные различия между представлениями о характере монархической власти, ее теоретических обоснованиях и способах преобразования властной структуры самодержавия и республиканскими политическими идеями, сформированными в европейской социокультурной среде.
3. Реконструировать процесс адаптации республиканских концепций гражданской добродетели в контексте дебатов о коммерции и роскоши в литературно-публицистических произведениях российских авторов XVIII в.
4. Проанализировать содержание и значение аргументации республиканских добродетелей в процессе дебатов о роли дворянства, качествах российских граждан и отношениях социальной иерархии.
5. Сформулировать основные тенденции складывания республиканских идей в процессе поиска исторических аналогий в контексте импорта римской образности и переосмысления древнерусской истории в России на рубеже XVIII – XIX вв.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей исследования выступает рубеж XVII–XVIII вв. В этот период времени в России возникают новые формы политической коммуникации, позволившие в разных контекстах обсуждать вопросы о характере монархической власти, качествах российских подданных, функциях властных институтов. Этому способствовало появление панегирической традиции, развитие частных типогра-

фий, возникновение журнальной сферы, практики публичных выступлений и написания реформаторских проектов. Верхней хронологической границей исследования является рубеж XVIII – XIX вв. Этот рубеж определяется актуализацией интереса к республиканским идеям в контексте российской истории, адаптацией республиканских взглядов на гражданскую добродетель. Именно в это время завершается процесс складывания основных моделей аргументации о республиканизме, которые будут использоваться в последующие периоды российской истории XIX в.

Территориальные границы исследования обусловлены географией функционирования отечественных коммуникативных сетей (книгоиздание, производство и распространение рукописных текстов). Они охватывают территорию Российской империи; если производство текстов было в основном сконцентрировано в Санкт-Петербурге, Москве и других культурных центрах, расположенных преимущественно в западных губерниях, то циркуляция текстов осуществлялась на всем пространстве страны.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в применении современных методов работы (методология истории понятий, теория жанров М. М. Бахтина) с текстом исторического источника для выявления особенностей риторических стратегий о республиканизме в России, и, во-вторых, в реконструкции идейного содержания и коммуникативного процесса формирования республиканских идей в российской культуре XVIII в.

Теоретическая и практическая значимость. В работе выдвинута концепция формирования идей республиканизма в отечественной социально-политической мысли XVIII в., позволяющая выработать новые теоретические взгляды на интеллектуальную историю России Нового и Новейшего времени в целом. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке учебных программ по истории России, а также специальных курсов, посвященных истории общественной мысли и политической культуре России Нового времени. Результаты настоящей работы могут быть

применены в исследовательской практике не только исторической науки, но и смежных областей гуманитарного знания – филологии, культурологии, философии, политологии, социологии. Эти возможности определяются междисциплинарным характером данной работы.

Степень достоверности. Исследование процесса формирования республиканских идей в различных коммуникативных полях и дискурсивных практиках в России XVIII в. обуславливает необходимость привлечения широкого круга исторических источников различной видовой принадлежности. Опора на комплекс разнообразных источников (подробно описанный в параграфе 1.3.) определяет высокую степень достоверности исследования.

Методология и методы исследования. Для достижения поставленных задач используется ряд современных методов и подходов. Помимо общеисторических методов, это подходы «кембриджской» школы изучения *истории понятий* (Кв. Скиннер, Дж. Покок), а также инструментарий *теории жанров* М. М. Бахтина. Инструментарий истории понятий позволяет выявить все многообразие дискурсивных форм, в рамках которых осуществлялись трансфер и адаптация республиканских идей, а методы М. М. Бахтина помогают обнаружить связь между жанровой формой и содержанием текстов. При проведении исследования мы опирались также на *теорию модернизации*, задающую концептуальные рамки для понимания исторического процесса. Детально методология работы изложена в параграфе 1.2.

Апробация. Основные результаты настоящего исследования опубликованы в 2 монографиях и 33 научных статьях (из которых 24 статьи вышли в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, в том числе входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus). Выводы и положения, выносимые на защиту, неоднократно обсуждались на конференциях и семинарах в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Париже,

Лионе, Страсбурге и других научных центрах, были презентованы на специализированном конгрессе по истории XVIII в. ISECS, прошедшем в 2015 г. в Роттердаме (Нидерланды), и на семинаре международной группы по изучению российского XVIII в. в Лондоне. Научная работа велась в рамках ряда проектов, поддержанных грантами Правительства Российской Федерации, Российского научного фонда и Российского гуманитарного научного фонда, программами Уральского федерального университета. В 2016 г. соискатель был удостоен премии Губернатора Свердловской области за лучшую работу в области гуманитарных наук¹.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доминировавшей в придворном политическом контексте России XVIII в. риторической манерой был провиденциальный монархизм, функционировавший в жанре панегирика и проповеди, описывавший власть монарха-суверена как данную Провидением, а самого государя – как демиурга: героя, святого или почти божество.

2. Адаптация на российской почве представлений о формах правления вела к развитию секулярного монархизма – дискуссии об организации властного аппарата государства. Реформаторские проекты отводили главное место монарху-суверену, республиканская форма правления считалась слабой в военном отношении и потому неподходящей для обширной России. Поэтому между реформаторскими планами XVIII в. и республиканизмом следует провести черту, четко разделив эти идейные течения.

3. Объединяющим понятием для провиденциального и секулярного монархизма выступала *добродетель*, понимаемая как соответствие объективному, неизменному моральному идеалу. Такое понимание добродетели противоречило республиканской политической традиции, осложняя адаптацию республиканских идей в России.

¹ Цикл работ по теме «Развитие политической культуры российского монархизма XVIII в. в контексте европейского культурного трансфера».

4. Непрерывное усложнение политических практик привело к постепенной адаптации в России XVIII в. республиканских взглядов на социальные процессы. Гражданская добродетель представляла здесь результатом политического конструирования (борьбы с роскошью и коммерцией), а не персонального этического выбора. Но параллельно популярность набирали позитивные взгляды на коммерцию и роскошь, воспринимавшуюся как гарант петровской вестернизации страны. Критика роскоши вела к последовательной критике вестернизации, что было для российских авторов чрезвычайно болезненным.

5. Адаптация республиканских идей о социальных процессах дала импульс возникновению в середине XVIII в. дворянской идеологии, обосновывавшей привилегированное положение дворянства с помощью республиканского понимания гражданской добродетели. Однако в рамках такой идеологии антимонархические взгляды не получили развития, поскольку гражданская добродетель дворян описывалась как результат монаршей милости, превращаясь в дополнительный аргумент в пользу монархии.

6. Наиболее интенсивно формирование республиканских идей в России XVIII в. протекало в сфере исторической мысли, вдали от придворных политических дебатов об организации властного аппарата. Переосмысление истории России в римском контексте позволила историкам XVIII в. обнаружить у страны республиканское прошлое и приписать древнему Новгороду особенное военное могущество. На базе подобного историзма были созданы важнейшие республиканские тексты России XVIII столетия. Наиболее последовательно республиканские идеи воплотила фигура Вадима, главного персонажа одноименной трагедии Я. Б. Княжнина.

Структура диссертации включает в себя введение, 6 глав основной части, заключение, список источников и используемой литературы, список сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование проблемы исследования и ее актуальности, теоретической и практической значимости результатов, формулировку цели и задач, общую характеристику структуры работы.

Первая глава «*Историография, методология и источники исследования*» содержит историографический очерк по теме диссертации, изложение суммы методологических подходов, применяемых в работе, а также характеристику источниковой базы.

Параграф 1.1 «Историография научной проблемы» посвящен анализу историографии вопроса. Научная литература, затрагивающая тему диссертации, представлена несколькими направлениями.

Первой среди них является **историография политико-правовых учений**. Это направление историографии прошло богатый путь развития – начиная с обобщающих трудов А. С. Лаппо-Данилевского, Г. В. Плеханова и исследований советских историков общественно-политической мысли. Ряд важных работ данного профиля был опубликован в 1970-х – начале 1990-х гг. – это сочинения П. С. Грацианского¹, В. И. Морякова², А. Валицкого³.

В современной историографии необходимо в первую очередь назвать труды Т. В. Артемьевой⁴, А. Н. Медушевского⁵,

¹ Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 252 с.

² Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России). М., 1994. 216 с.

³ Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013. 480 с.

⁴ Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века. СПб., 1998. 267 с.; Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. 496 с.

⁵ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII – XX вв. М., 2010. 640 с.

О. А. Омельченко¹, Г. Хамбурга², Э. Виртшафтер³, С. Уиттакер⁴. Работы А. В. Малинова, С. В. Соколова и других ученых посвящены историческим сочинениям XVIII в.⁵ Особое внимание в диссертации было уделено работам, посвященным осмыслению истории древнего Новгорода в общественной мысли XVIII в.⁶

Среди исследований, посвященных вопросам **государственного управления и эволюции представлений о власти**, нужно назвать работы С. М. Троицкого⁷, Г. В. Протасова⁸,

¹ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М., 2001. 159 с.; Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. М., 2004. 604 с.

² Hamburg G. Russia's Path Towards Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven; London, 2016. 912 p.

³ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003. 312 p.

⁴ Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003. 320 p.

⁵ Малинов А. В. Очерки по философии истории в России. СПб., 2013. 2 т.; Соколов С. В. Монархия, аристократия и республика в истории России с точки зрения историографии XVIII в. // IV Информационная школа молодого ученого. Екатеринбург, 2014. С. 124–133.

⁶ Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XX в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 100–138; Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniashnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii» // Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988. P. 306–315; Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 3. СПб., 2001. С. 70–108; Юрин П. А. Пути прочтения «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина // Petra Angularis. СПб., 2015. С. 108–135.

⁷ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. М., 1982. 256 с.

⁸ Протасов Г. В. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 65–103.

В. М. Сафонова¹, М. Раева², Е. В. Анисимова³, А. Б. Каменского⁴, И. В. Курукина⁵ и других историков. Привлекались и **историко-культурные исследования широкого профиля**, затрагивающие вопросы социально-культурной истории страны: труды Ю. М. Лотмана⁶, В. М. Живова и Б. А. Успенского⁷, Ю. В. Кагарлицкого⁸, Ж. Гранай, В. Л. Каплуна.

Неотъемлемой частью историографии вопроса являются труды по **истории литературы XVIII в.** – монографии Г. А. Гуковского⁹, П. Н. Беркова¹⁰, Н. Ю. Алексеевой¹¹,

¹ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. 247 с.

² Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730-1905. Englewood Cliffs, 1966. 192 p.

³ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. 496 с.; Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725 – 1740. СПб., 1994. 496 с.

⁴ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001. 575 с.

⁵ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг. Рязань, 2003. 565 с.

⁶ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. С. 139–206; Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 2005. С. 211–238

⁷ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М., 1994.

⁸ Кагарлицкий Ю. В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html>.

⁹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.; Л., 1936. 236 с.; Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. 313 с.

¹⁰ Берков П. Н. История русской журналистики. М.; Л., 1952. 572 с.; Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. 390 с.

¹¹ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках. СПб., 2005. 376 с

Е. М. Матвеева¹, В. Проскуриной², Е. Погосян³, циклы статей А. А. Костина⁴, Е. И. Кисловой⁵ и других ученых.

Следует, кроме того, особо отметить ряд современных, использующих методологию концептуальной истории **междисциплинарных работ** авторства Е. Н. Марасиновой⁶, А. Л. Зорина⁷, С. В. Польского⁸, Д. В. Тимофеева⁹, М. А. Киселева¹⁰,

¹ Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века. (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009. 140 с.

² Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 322 с.; Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М., 2017. 252 с.

³ Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>.

⁴ Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. Вып. 24. СПб., 2006. С. 255–280.

⁵ Кислова Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словьне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. № 2. Р. 179–181; Кислова Е. И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 3(38). С. 36–50.

⁶ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. 458 с.; Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М., 2017. 508 с.

⁷ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 414 с.

⁸ Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27–42; Польской С. В. «Ведомости Парнасские» Т. Боккалини и их русские читатели: к вопросу о влиянии республиканских идей в России в первой трети XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 189–197.

⁹ Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 454 с.

¹⁰ Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I.

К. Осповата¹. Наконец, привлекались к исследованию и многочисленные **работы по истории западной политической мысли**, прежде всего – по истории республиканской традиции (Кв. Скиннер, Дж. Покок, И. Гонт, К. Бейкер, И. Хонохан и другие).

Анализ историографии показывает: хотя в целом проблемы истории российской общественно-политической мысли XVIII в. изучены в самых различных аспектах, в большинстве работ (исключая узкий круг междисциплинарных исследований) не ставились принципиальные вопросы о складывании в России Нового времени новых способов политического мышления. Проблема формирования республиканских идей в историографии не выделялась до недавнего времени специально, а исследования по европейской истории республиканизма привлекаются в научных трудах по истории России XVIII в. лишь спорадически.

В *параграфе 1.2 «Методологические основания исследования»* изложены основные методы и подходы, на базе которых было осуществлено исследование. В методологическом отношении диссертация опирается на инструментарий истории понятий в ее «кембриджском» варианте, представленный в практическом ключе в трудах Кв. Скиннера, Дж. Покока и ряда других исследователей. Инструментарий «кембриджской школы» позволяет изучать прагматику текста, не сводя ее к простому отражению социальной реальности, с акцентом на используемом историческими акторами языке – аргументах, образах, риторике и стилистике. Под историей общественно-политической мысли здесь понимается история авторов, ведущих дебаты о политике, развертывая концептуальные ресурсы в рамках определенных жанров и коммуникативных сфер для достижения прагматических целей.

М., 2012. С. 49–65; Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII - первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 18–53

¹ Ospovat K. *Terror and Pity: Alexander Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethian Russia*. Boston, 2016. 336 p.

Наше исследование опирается также на современные концепции *модернизационной теории*¹. Специфика российского XVIII в. заключается в том, что дебаты эти протекали в условиях *вестернизации* – процесса трансфера и адаптации европейских интеллектуальных инноваций². Признание вестернизации константой развития отечественной политической культуры Нового времени иногда ведет к пониманию этого развития исключительно как процесса «доставки» в Россию набора европейских «современных» (*modern*) ценностей, идей и институтов³. Поэтому принципиально важен и второй процесс – *адаптация* на российской почве, амальгамирование заимствуемых западных идей и концепций с уже существующими формами политической культуры. Второй процесс разворачивается на базе первого, но не детерминирован им, а потому обоснованные выводы о российской политической культуре можно делать только на основе изучения адаптационного процесса.

Для достижения цели и задач настоящей работы также используется теория коммуникативных жанров М. М. Бахтина⁴. На этом теоретическом основании в политической культуре XVIII в. нами были выделены две крупные коммуникативные сферы: придворная и публичная. Они различаются статусом адресата и адресанта. В одном (придворном) случае этот статус был заведомо неравным, в другом (публичном) – принципиально равным. Политическая культура России XVIII в. формировалась и развивалась на основе обеих коммуникативных сфер. Подобное деление методо-

¹ Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168; Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. London, 2001. 160 p.

² Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.

³ Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003. P. 94.

⁴ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

логически необходимо для данного исследования, но не исключает альтернативных классификаций.

На основании работ Кв. Скиннера, Дж. Покока, И. Хонохан и других специалистов сформулировано и рабочее определение республиканской парадигмы идей. Под республиканизмом в данной работе мы понимаем определенную манеру политической речи, использующую своеобразный набор риторических ходов и концептов. Далеко не всегда мы встречаем полный набор республиканских элементов в текстах того или иного автора; чаще мы имеем дело с концептуальной «амальгамой». Мы выделяем четыре основных элемента этой манеры. Во-первых, это специфическое понимание политической свободы и вытекающий из него взгляд на политическую структуру республики. Во-вторых, это макиавеллистское понимание добродетели. Оно, в свою очередь, связано с разрывом с цицероновской этикой, с социальной обусловленностью и с признанием политического (а не персонального) характера добродетели. Добродетель в этой риторике противостоит коррупции, обладающей социальными причинами. В-третьих, это концепция гражданского равенства, открывающего всем гражданам возможности для того, чтобы управлять и быть управляемыми, в равной мере проявлять свою гражданскую добродетель. Наконец, в-четвертых, это республиканский историзм, предполагающий, что республику невозможно построить, а можно лишь возобновить, вдохнув новую жизнь в традицию свободного народа. Ключевыми авторами, оказавшими влияние на формирование республиканского канона, мы считаем римских историков, Н. Макиавелли, Ф. Фенелона и Ж.-Ж. Руссо.

Параграф 1.3 «Классификация источников исследования» включает в себя характеристику восьми основных источниковых групп, использованных при проведении исследования.

Первая группа – **панегирики и проповеди** на политические темы. Жанр церковной проповеди, в котором работали крупнейшие проповедники XVIII в. – Феофан (Прокопович), Амвросий

(Юшкевич), Платон (Левшин) и ряд других – остается недооцененным в качестве источника по истории политической мысли; между тем, придворная проповедь играла важнейшую роль в качестве легитимационного текста, а интенсивность производства этих текстов оставалась высокой¹. Использовались при подготовке исследования и светские панегирики – оды авторства В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, А. А. Ржевского, Е. И. Кострова и многих других авторов; особенно интересен хранящийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки комплекс рукописных од и панегириков, созданных при «дворе» генерал-губернатора Малороссии П. А. Румянцева в 60-х – 70-х гг. XVIII в.

Второй крупный комплекс источников, привлеченный к исследованию – это разнообразные **реформаторские проекты**, созданные членами придворно-административной элиты XVIII в. Прежде всего, это круг текстов, связанных с политическим кризисом 1730 г., публиковавшихся ранее в различных изданиях и сведенных в 2010 г. в едином издании усилиями И. В. Курукина и А. Б. Плотникова². Другой большой комплекс материалов – это совокупность проектов, связанных с реформаторской активностью высшего звена политической элиты рубежа 1750-х – 1760-х гг., изучавшийся и вводившийся в научный оборот С. В. Андрияином, С. В. Польским, а также М. А. Киселевым и автором настоящей диссертации³. Это – тексты авторства А. П. Бестужева-Рюмина, Д. В. Волкова, Н. И. Панина,

¹ Кислова Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. № 2. С. 179–180.

² Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.

³ Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139; Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды. М., 2010.

Б. Х. Миниха. Наконец, к исследованию были привлечены тексты сановников рубежа XVIII – XIX вв., часть из которых была опубликована в XIX в., а часть – введена в научный оборот М. М. Сафоновым¹. В эту категорию входят тексты А. А. Безбородко, А. Р. Воронцова, Г. Р. Державина, П. А. Зубова, П. В. Завадовского, Д. П. Трошинского, а также «молодых друзей» Александра I.

Третьим массивом источников, использованных при проведении настоящего исследования, являются **художественно-публицистические сочинения** – моральные и политические трактаты, памфлеты и романы, стихотворения. Это – статьи по моральным и политическим вопросам авторства В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова. Это также сочинения Феофана (Прокоповича), Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, В. Т. Золотницкого, Я. П. Козельского, П. М. Захарьина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, сатиры А. Д. Кантемира, ряд текстов других авторов. К числу сочинений в жанре *Staatsroman* относятся работы Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова, М. М. Щербатова. Привлекались в рамках настоящего исследования и некоторые тексты «пограничного» статуса – например, обнаруженное и опубликованное А. С. Лыцовой рукописное сочинение Т. И. Черкасова «Благородство» (1788)².

Часть из этих текстов была опубликована в журналах. В рамках исследования анализу подвергались такие журнальные издания, как «Трудолюбивая пчела» (1659), «Всякая всячина» (1769 – 1770), «Адская почта» (1769), «Ни то ни сию» (1769), «Кошелек» (1774), «Утренний свет» (1777), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784 – 1785) и ряд других.

¹ Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. X. С. 237–243.

² Лыцова А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. С. 281–317.

Четвертой группой источников являются **исторические сочинения** отечественных авторов XVIII в. По существу, многие из них являются историко-политическими текстами, так как в этих текстах авторы выражают свое отношение к политическим событиям и явлениям как в исторической ретроспективе, так и при описании современных им процессов. К числу таких сочинений относятся труды В. Н. Татищева, Ф. А. Эмина, Екатерины II, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и целого ряда других авторов.

Пятая группа источников – **драматургические тексты**, созданные в России XVIII в. Часть из них непосредственно связана с историческими сочинениями, прежде всего это касается «новгородских» текстов, созданных на рубеже XVIII – XIX вв. Следует назвать среди них сочинения Екатерины II, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, П. А. Плавильщикова, Н. М. Карамзина и других.

Шестая группа источников – **зарубежные политические трактаты и памфлеты**, прежде всего – переводившиеся на русский язык. Переводные сочинения анализировались на основании составленной соискателем и зарегистрированной в 2014 г. базы данных «Опубликованные переводы морально-этической, социальной и политической литературы в России XVIII в.» Общее число переводных изданий такого рода составляет около 1 300 единиц. Разумеется, не все эти тексты подвергались детальному анализу. Предпочтение отдавалось тем авторам, которые были наиболее популярны в России XVIII в. и тематически были связаны с республиканской интеллектуальной традицией. Среди этих трудов – политические романы Ф. Фенелона, Ж. Мармонтеля, трактаты С. Пуфендорфа, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Фридриха II, Л. Хольберга, испанских антимаккиавеллистов и многих других авторов. Тщательно изучались сочинения республиканской европейской традиции, тексты греко-римской традиции, а также иные работы, важные для разрабатываемой тематики. Особую подгруппу формируют предисловия переводчиков к переводным текстам.

Седьмой группой источников являются **законодательные акты**. В рамках настоящего исследования детально изучались акты, связанные с политически значимыми событиями биографии монарха: восшествие на трон и коронация, назначение наследников и заключение браков. К ним примыкают акты, вышедшие по особо торжественным случаям.

Восьмая группа источников – **материалы екатерининской Уложенной комиссии**, опубликованные в сборниках Императорского Русского исторического общества (СИРИО) в XIX в. Они формируют беспрецедентный для российского XVIII в. массив политических текстов, объединенный единством коммуникативного контекста. К группе этих источников относятся, прежде всего, тексты дворянских наказов депутатам Комиссии, а также «мнения» депутатов Комиссии, предъявленные в ходе дебатов о статусе дворянства, и протоколы этих дебатов.

В сумме было использовано более 300 различных текстов, относящихся к данным категориям. Привлечение данных групп источников является необходимым для реализации цели и задач диссертации. Таким образом, источниковую базу в целом можно считать репрезентативной и достаточной для проведения исследования.

Вторая глава *«Провиденциальный монархизм в российской политической культуре XVIII в.»* посвящена анализу характера отечественной монархической мысли.

Параграф 2.1 «Формирование глоссария провиденциального монархизма» посвящен анализу складывания риторических стратегий провиденциального монархизма, прежде всего – в трудах Феофана (Прокоповича) и Гавриила (Бужинского). В течение 1-й четверти XVIII в. сложились основные риторические стратегии политического языка провиденциального монархизма, позволяя придворным ораторам с уверенностью описывать «культ» государя. Такой политический язык не только утверждал божественное происхождение власти, но и позволял подданным с восторгом превоз-

носить экстраординарные качества самого ее носителя, презентуя коронованную особу как святого, героя и почти божество.

Параграф 2.2 «Кризис 1730 г. и провиденциальный монархизм» содержит анализ функционирования глоссария и риторики провиденциального монархизма в условиях политического кризиса 1730 г. Известные нам идеи членов Верховного Тайного совета не могут считаться республиканскими: в имеющихся на сегодняшний день в научном обороте документах верховников¹ отсутствует разработанная республиканская теория. Факт же избрания Анны на царство не оспаривался в российской общественной мысли, однако признание этого факта вовсе не вступало в противоречие с концепциями провиденциального монархизма.

Укрепление канона провиденциального монархизма при Елизавете Петровне рассмотрено в *параграфе 2.3 «Утверждение канона провиденциального монархизма в елизаветинской России»*. На основании анализа легитимационных текстов Елизаветы (манифесты, придворные проповеди, панегирики) сделан вывод о том, что елизаветинская легитимация опиралась на уже сложившийся в предшествующий исторический период политический глоссарий провиденциального монархизма, показавший свою устойчивость на фоне политического кризиса 1730 г. Панегиристы и поэты елизаветинской России заново интерпретировали и доводили до совершенства риторические стратегии провиденциализма в практическом контексте оправдания переворота 1740 г. Сформировавшаяся стараниями панегиристов – от Амвросия (Юшкевича) до М. В. Ломоносова, от Симона (Тодорского) до А. П. Сумарокова – при Елизавете придворная манера обсуждать монархию в панегирическом жанре оставалась фундаментом придворной политической культуры. Характерной чертой этой манеры являлось постоянное обращение к образу Петра Великого, представавшего «царем-демиургом».

¹ Курукин, И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. 280 с.

В параграфе 2.4. «*Развитие провиденциального монархизма во 2-й половине XVIII в.*» прослежен дальнейший ход развития провиденциального монархизма во 2-й половине XVIII в., вплоть до воцарения Александра I. Анализ творчества крупнейших церковных ораторов, как Платон (Левшин) и Гавриил (Петров-Шапошников), поэтов, как А. П. Сумароков, В. П. Петров и М. М. Херасков, а также легитимационных манифестов Екатерины II (1762 г.) позволяет прийти к выводу о том, что – несмотря на распространенное мнение о екатерининском веке как об эпохе последовательной секуляризации – провиденциальный глоссарий монархизма, соединявший концепцию божественного происхождения власти, признание вмешательства Провидения в ход событий, и гражданский культ монарха, оставался базой для функционирования политической культуры России века Просвещения.

Таким образом, дворцовые перевороты не подрывали, а укрепляли провиденциалистскую риторику монархии. Как отмечают исследователи В. М. Живов и Б. А. Успенский, «размежевать религию и гражданский культ монарха оказалось невозможным. Напротив, панегирические тексты прочитывались буквально и служили дополнительным источником той же сакрализации»¹. Сакрализация монарха и риторика чуда исключали возможности для прямой, быстрой и легкой адаптации республиканских идей и концептов на российской почве.

Третья глава «*Провиденциальный монархизм в российской политической культуре XVIII в.*» содержит анализ реформаторского творчества российской административно-политической элиты в его более секулярном аспекте, ставя вопрос: можно ли считать историю раннего российского конституционализма историей также и республиканизма?

¹ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М., 1994. С. 288.

Параграф 3.1. «*Форма правления и общее благо*» рассматривает процесс адаптации в российской общественно-политической мысли политического глоссария форм правления. Для российских элит рубежа XVII – XVIII вв. такой глоссарий, позволявший сравнивать разные формы правления с их сильными и слабыми сторонами, оказался концептуальной инновацией¹. Начиная с Феофана (Прокоповича), отечественные церковные и светские авторы все в большей степени начинают оперировать данным глоссарием.

Отличительной чертой этого языка был его секулярный и компаративный характер, однако выражался он в утверждении взаимной связи между монархической формой правления и общим благом. Уже к середине XVIII в. среди российских элит сложился консенсус о том, что сама монархическая форма правления для такой обширной страны, как Россия, является неотъемлемой частью общего блага и что никакая иная форма политической организации не позволит эффективно общего блага достичь. Важную роль в складывании этого консенсуса сыграл политический кризис 1730 г.: действия Верховного Тайного совета, будучи интерпретированными как попытка изменить форму правления, расценивались его противниками – например, архиепископом Феофаном (Прокоповичем) или В. Н. Татищевым – как явный вред общему благу. На этой почве к середине XVIII в. в отечественной общественно-политической мысли сложилась система исторической аргументации, доказывавшая связь между монархической формой правления, военной мощью государства и его пространством.

В параграфе 3.2. «*Законы и проблема ограничения власти монарха*» рассмотрен вопрос о том, как в условиях адаптации секулярного глоссария форм правления в российской общественно-политической мысли разрабатывалась проблема соблюдения законности и ограничения власти монарха. Развитие глоссария форм

¹ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII - первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 27–28.

правления привело к распространению взгляда на управление государством как созидание общего блага с помощью мудрых законов и властного аппарата. С конца 1730-х гг. в среде российской придворно-административной элиты распространяется понятие «фундаментальный закон», а в 1762 г. Манифест о вольности дворянской Петра III ввел это понятие в публичную сферу.

Ряд историков усматривает в освоении дискурса законности российскими авторами XVIII в. шаг по пути ограничения императорской власти, которая отныне мыслилась как подчиненная общему благу и ограниченная фундаментальными законами¹. В данном случае легалистский дискурс XVIII столетия не входил в противоречие с господствовавшей монархической идеологией провиденциализма, тоже настаивавшей на необходимости соблюдать общее благо. В концептуальном пространстве секулярного монархизма частью этого блага представало сохранение фундаментальных законов, диктуемое в первую очередь прагматическими соображениями – опасением спровоцировать бунт и разгул анархии. Таким образом, правовой глоссарий не противостоял провиденциалистскому дискурсу, а был вписан в него.

В параграфе 3.3. *«Реформы, конфликты и искусство управлять»* предложен обобщающий анализ разнообразных практических предложений по улучшению властного аппарата российского государства, выдвигавшихся реформаторами XVIII в. Некоторые исследователи усматривают противоречие в одновременной ориентации государственных деятелей XVIII столетия на создание рациональной бюрократии и сохранением персоналистского характе-

¹ Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М., 1989. С. 117; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001. С. 432–433; Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 141.

ра властной иерархии российского самодержавия¹. Однако ни один из авторов реформаторских проектов в XVIII столетии не выступал за создание автономной бюрократической машины. Напротив, бюрократическая рутина – ограничение императорской власти на практике – считалась важнейшей угрозой общему благу, а борьба с ней оставалась лейтмотивом целого ряда реформаторских проектов. С целью преодоления подобных ограничений императорской власти придворные реформаторы предлагали разнообразные стратегии преобразования властного аппарата, чтобы повысить информированность монарха (часто описываемую через популярную метафору *зрения*) и помочь направить его абсолютную власть на благие цели.

Объединяющим элементом, связывавшим воедино религиозно-провиденциальный взгляд на монарха, актуализировавшийся в жанре панегирика, и более секулярный подход, развивавшийся в жанре докладов, записок и различных рекомендаций по практической организации управления империей, было признание общего блага совпадающим с моральным благом вообще и благом отдельного индивида в частности. Политика в таком случае представляла чередой выборов между благом и вредом, и задача хорошо информированного правителя сводилась к тому, чтобы сделать правильный выбор. Морализм, объединявший провиденциальный и секулярный режимы речи, предполагал наличие единственного верного решения, сохраняя за императором роль суперарбитра.

С другой стороны, подбрасываемые практикой управления контроверзы, равно как и влияние европейской традиции политических романов («Аргенида» Дж. Баркляя, «Приключения Телемака» Ф. Фенелона²), трактатов об искусстве управлять державой

¹ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Vol. 80. No. 5 (Dec., 1975). P. 1221–1243; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven, 1975.

² Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 2. СПб., 1908. С. 78.

(Юст Липсий, Ришелье) и жить при дворе, испытывали эту связь на прочность. Совпадает ли добродетель христианина с добродетелью политика, добродетелью придворного? Эта концептуальная брешь открывала перспективу для переосмысления понятия добродетели в качестве важнейшей части политической системы в целом.

Четвертая глава *«Республиканизм и коррупция в общественно-политической мысли России XVIII в.»* содержит анализ трансформаций представлений о гражданской добродетели, происшедших в России середины XVIII в. под влиянием республиканских идей.

В параграфе 4.1. *«Универсальная добродетель в моральной монархии»* рассмотрены важнейшие черты политико-этической специфики российского монархизма, которую можно назвать *моралистским монархизмом*¹. Подобный морализм предполагал, что политическая и моральная цели общественной жизни совпадают, открывая возможности для практического применения того взгляда на политику как на выбор между благом и вредом, который проанализирован в главе 3 диссертации. Отечественная традиция составления инструкций о добродетельной христианской жизни может быть прослежена до Средневековья, однако в XVII в. производство «дискурса о добродетелях» становится более интенсивным¹. Российские авторы XVIII в., как светские, так и духовные, были едины в утверждении универсального характера человеческой добродетели: на этом настаивали, с одной стороны, такие публицисты, как В. К. Третьяковский, Я. П. Козельский, А. П. Сумароков, Ф. А. Эмин, а с другой – такие видные проповедники, как Платон (Левшин) или Ириней (Клементьевский).

Разумеется, речь не шла о случайном распределении пороков или добродетелей. Напротив, лейтмотивом морально-

¹ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003. P. 174.

политической литературы были пространные указания о том, как следует достигать добродетельной жизни в обществе. Указания эти не исчерпывались проблемой достижения добродетели конкретным индивидом. Часто речь заходила и о том, как сделать добродетельными других людей, целый социальный слой или даже целое государство. Если можно культивировать добродетель с помощью наставлений в данном несовершенном обществе с помощью определенных мер, значит, добродетель и порок обладают определенными социальными условиями. Таким образом, интеллектуальной инновацией для российского XVIII в. стало представление о том, что добродетель индивида зависит не только от его индивидуального выбора, но и от совокупности социальных, экономических и политических факторов. И хотя общий тон российских политических текстов оставался антимакиавеллистским, многие рассуждения о добродетели во 2-й половине XVIII в. стали принимать социологический тон, утверждая, что добродетель можно «производить» с помощью социальных, политических, экономических мер.

В параграфе 4.2. «*Российский Салент: коммерция, коррупция и роскошь*» проанализирована роль, которую в закреплении подобного представления о добродетели в российской политической мысли XVIII в. сыграл роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» («*Les Aventures de Télémaque*», 1699). Тезис Ф. Фенелона о том, что роскошь является источником коррупции и, следовательно, добродетель необходимо производить мерами социально-экономической политики, оказался для российской политической мысли XVIII в. новацией (сходные идеи развивал и другой политический роман, пользовавшийся в России XVIII столетия популярностью, «Велизарий» Ж. Мармонтеля).

Фенелоновский социологизм, вдохновленный образами античной Спарты и ярко представленный в описании утопического государства Салент, был воспроизведен во многих политических

¹ Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 296.

текстов различной жанровой принадлежности: в морально-политических романах Ф. А. Эмина («Приключения Фемистокла», «Письма Эрнеста и Доравры»), М. М. Хераскова («Нума Помпилий, или Процветающий Рим», «Полидор, сын Кадма и Гармонии»), статьях А. П. Сумарокова, Я. П. Козельского и Ф. О. Туманского, в проектах политических реформ, подготовленных П. И. Паниным для великого князя Павла Петровича и, наконец, в неизданных сочинениях Щербатова «О повреждении нравов в России» и «Путешествие в землю Офирскую». Этот же глоссарий использовался Щербатовым и при практическом обсуждении вопросов о роскоши в середине 1770-х гг. в комиссии о коммерции.

В параграфе 4.3. «*Культ процветания: гражданская добродетель, роскошь и прогресс*» проанализированы причины того, почему адаптация политического глоссария о роскоши не привела к глубокому и последовательному развитию республиканских идей. Параллельно с критикой коммерции и роскоши в духе Ф. Фенелона на российской почве были освоены и альтернативные идеи, которые современный историк И. Гонт называет «кольтбертистскими», превозносящими благодетельную роль коммерции¹. Эти идеи поддерживались панегирической традицией, в которой коммерция и производство товаров роскоши расценивались как важнейшие проявления вестернизации и одновременно – как плод действий царей-демиургов (начиная с Петра I) ради общего блага; подобный подход зафиксирован в проектах В. Н. Татищева, Ф. И. Сукина, в рукописном предисловии И. Смирнова к подготовленному, но не изданному при Екатерине II своду законов – «Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми законоположения частями» (глава VII «О государственном изобилии»). Защита коммерческого общества в вестернизирующемся российском социуме опиралась и на историко-социальный анализ в духе Ш. Монтескье

¹ Hont I. The early Enlightenment debate on commerce and luxury // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge, 2008. P. 380.

(М. Д. Чулков, Н. И. Новиков, Я. А. Шнайдер) или А. Смита (С. Е. Десницкий), и на интеллектуальный арсенал придворного панегирика, описывавшего появление новой экономики по воле великих монархов. Последовательная критика роскоши и коммерции вела бы к критике самой вестернизации, самой европейской идентичности России.

Тем не менее, концепция социально обусловленной добродетели, транслированная через морально-политическую прозу, оказалась востребованной в отечественной общественно-политической мысли. В частности, она стала основой для обсуждения социальной структуры России 2-й половины XVIII в.

Глава пятая «*Республиканская добродетель в представлениях о социальной иерархии в России XVIII в.*» посвящена своеобразному развитию республиканских идей в контексте поиска обоснования привилегированного положения российского дворянства.

Параграф 5.1. «*Функционализм: “должности”, добродетель и воздаяние*» включает анализ функционалистского обоснования социальной иерархии, характерного в первую очередь для религиозной мысли XVIII в. и, по-видимому, испытавшего влияние томизма¹. Подобный подход предполагал, что общество является соединением различных групп – воинов, судей, «учителей» (священников), ремесленников, земледельцев – каждая из которых связана с исполнением определенного рода обязанностей. Усердная реализация «должности» вела не только к спасению души, но подчас и к вполне реальному социальному росту – например, при помощи петровской «Табели о рангах». Но в целом подобный взгляд на общество был ориентирован на то, чтобы каждый индивид оставался доволен исполнением той «должности», которая ему определена, и не стремился к мобильности.

Ярким примером этого взгляда является проповедь Стефана (Яворского) «Колесница четырехколесная многоочитая, Езекииелем пророком виденная» (1704). Аналогичные идеи выражали многие

¹ Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999. С. 118.

из крупных проповедников XVIII в. – например, Гавриил (Петров), Антоний (Румовский), Платон (Левшин) и другие. Этот же взгляд был воспроизведен и в сочинении католического автора И. Фельбигера, вышедшем в 1783 г. под заглавием «О должностях человека и гражданина» и фактически ставшем официальным учебником в екатерининской России, и в сочинении П. М. Захарьина «Путь к благонравию» (1798).

Параграф 5.2. «Социологизм: республиканские обоснования дворянской исключительности» характеризует возникновение в середине XVIII в. нового взгляда на социальную иерархию, использовавшего республиканские представления о добродетели.

В этой модели дворянский статус рассматривался как *привилегия*, даруемая наиболее добродетельным. На практике это означало, что место *иерархии функций*, где социальные группы одинаково добродетельно исполняют свои «должности» (земледелие, торговля, художества, война, суд, проповедь), занимает *иерархия качеств*, в которой добродетель представителей различных страт не является равной. Дворянство как социальная группа предстает результатом социального и исторического процесса: в прошлом некоторые члены общества благодаря своей особой добродетели приобрели особые привилегии, после чего их дети оказались в лучшем положении благодаря сложившейся традиции чести и материальному статусу, избавлявшему от работы и дававшему возможность учиться.

Кроме того, само понимание дворянских «должностей» расширялось – поместья, которые когда-то выступали поощрением за службу, теперь стали аргументом в пользу наследственного закрепления привилегий даже за теми дворянами, которые ничем себя на службе не проявили или и вовсе не служили. В ходе дебатов в Комиссии о вольности дворянской 1763 г. Н. И. Панин предложил новаторскую идею о том, что дворянская «экономия» (помещичье хозяйство), если дворянин лично ей руководит, тоже является видом службы. Дворянство – это не просто группа «воинов»

и «судей», но и слой начальников, господ. Другие социальные группы (подьячие, купцы, крестьяне) в дворянской литературе описывались средствами своеобразного пейоративного языка¹.

Примером распространения этих концепций служит анонимный документ, озаглавленный «Проект о учреждении порядков следующих к правосудию» (1767). Сходные идеи о дворянском превосходстве как результате социального «производства» добродетели были представлены в целом ряде наказов депутатам Уложенной комиссии – в частности, в наказах московского, ярославского, волоколамского дворянства.

Столкновение двух концепций нашло отражение и в дебатах, развернувшихся в самой комиссии. Такие депутаты, как однодворец С. Е. Веденеев или казак Ф. Анцыферов, а также представители Синода, критиковали дворянскую исключительность именно на основаниях социального функционализма. И хотя дворянская исключительность, обоснованная с привлечением республиканского интеллектуального инструментария, возобладала (и была закреплена именно с такими обоснованиями Жалованной грамотой 1785 г.), критика этой исключительности по линии функционализма продолжала оставаться актуальной.

Республиканские концепты добродетели оказались аргументами в защиту крепостного права – важнейшей из дворянских привилегий. Подбирая доводы в пользу дворянской исключительности, такие мыслители, как М. М. Щербатов или М. Н. Муравьев декларировали условный характер различий между «господами» и «рабами». Поскольку сознательность «свободных» граждан сложилась исторически (в том числе – после определенного периода принуждения дворян к службе, отмечалось в манифесте 1762 г.), сторонники дворянской исключительности настаивали на том, что «рабы» не могут достичь уровня «свободных» одномоментно. Таким образом, республиканские идеи о социально обусловленной

¹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 83.

добродетели в российском интеллектуальном контексте становились аргументом против реформы крепостного права.

В параграфе 5. 3. *«Эгалитаризм: добродетель против иерархии»* охарактеризован альтернативный взгляд на вопросы добродетели, свободы и равенства, сочетавший черты функциональной иерархии и дворянской исключительности на республиканских основаниях. В этом дискурсе судьба человека зависит от умения стойко переносить капризы Фортуны, стремясь к универсальной добродетели. Особенностью такого взгляда было игнорирование чинов и заслуг как проявлений суетного мира¹, сплав христианских идей со стоицизмом и неоплатонизмом, с идеями Сенеки.

Подобный взгляд на «добродетель» нес в себе эгалитаристские тенденции. Отсутствие признания службы добродетелью (будь военная или гражданская «должность» либо руководство «экономией» ради общего блага) было способно, в конечном счете, уравнивать «господина» с «рабом» – как, например, в рассуждениях А. Ф. Олешева, в анонимном стихотворении «Письмо о равенстве состояний человеческих» или в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Так, простые крестьяне, не будучи столь же богатыми и изящными как представители дворянской элиты, компенсируют это своим здоровьем (зачастую здоровье «низкого» состояния описывается буквально как сексуальное здоровье – в противовес развращенной, хилой, болезненной высшей страте).

Подобная образность, во многом вдохновлявшаяся трудами Ж.-Ж. Руссо и часто воплощавшаяся на бумаге авторами-сентименталистами, стала фундаментом для развития радикальной переоценки сложившихся социальных иерархий в различных течениях российской общественной мысли XIX в. Казалось бы, именно эгалитаристский взгляд открывал путь для концепции гражданского равенства, для окончательного складывания российского республиканизма. Однако эгалитаризм предполагал отказ в значимо-

¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М., 2008. С. 339.

сти социальных статусов, поскольку добродетель, социальное положение и политическая организация никак не связаны и вовсе не нуждаются в республике для своего осуществления. Поэтому эгалитаристский взгляд на социум, подпитываясь идеями о естественном равенстве людей и сочувствием к угнетенным, оставался сам по себе деполитизированным и не может рассматриваться как форма республиканской политической культуры.

В **шестой главе** *«Римская образность, историзм и формирование республиканской перспективы в российской общественно-политической мысли XVIII в.»* рассмотрено формирование республиканских идей в историко-политической мысли российского XVIII в., где оно приняло наиболее глубокую и последовательную форму.

Параграф 6.1. *«Формирование представлений о Новгородской республике в российской историко-политической мысли XVIII в.»* посвящен своеобразному «изобретению» Новгородской республики в отечественной исторической мысли XVIII в. Показано, что вопрос о политической системе Новгорода не был предметом специальной рефлексии средневековых книжников: для московского летописания в истории не существовало иных легитимных режимов, кроме монархии, и политическая история Новгорода в таких популярных текстах, как «Синописис», представала именно историей монархии. Эту же концепцию развивали такие авторы, как В. Н. Татищев, Т. С. Мальгин и Екатерина II.

Но параллельно складывалась и другая традиция, идентифицировавшая древний Новгород как республику. Истоком ее стало сочинение «Ядро Российской истории», написанное около 1715 г. А. И. Манкиевым. Опираясь на Манкиева, республикой Новгород называли М. М. Щербатов, М. В. Ломоносов, Ф. А. Эмин, И. Ф. Богданович, Н. С. Ильинский, М. Н. Муравьев и другие авторы. А уже на рубеже XVIII – XIX вв. республиканский облик древнего Новгорода был закреплен историко-художественными тек-

стами Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, П. А. Плавильщикова и Н. М. Карамзина.

Таким образом, летописная история о призвании Рюрика оказалась радикально переосмыслена как *столкновение между разными формами правления*, а древний Новгород обзавелся республиканскими атрибутами. Литературная логика подсказывала отечественным авторам, что эти качества наиболее ярко проявляются в ситуации, когда республика сталкивается с политическим кризисом и противостоит монархии – по аналогии с корпусом классических текстов о кризисе в Римской республике и ее перерождении в монархию. Впрочем, подобное моделирование «русской античности» не было попыткой вести политический спор при помощи исторических аргументов. Развитие республиканского сюжета в России XVIII в. происходило благодаря импорту римской образности, позволявшей выработать адекватную объяснительную модель для древнейшей российской истории, понятную кругам образованной элиты.

В параграфе 6.2. «*Военная мощь Новгорода в российской историко-политической мысли XVIII в.*» рассмотрены главные особенности взгляда на Новгород как на республику, сложившегося в российской историко-политической мысли XVIII в.

В рамках монархических концепций власти республики считались небольшими государствами, предрасположенными к коммерции и культурному процветанию и неспособными защищаться от могущественных соседей¹. Такого взгляда придерживались, например, Феофан (Прокопович) и В. Н. Татищев. А вот идеология республиканизма, напротив, считала республики могущественными в военном отношении державами; залогом военной мощи выступала гражданская добродетель, вдохновлявшая героизм².

¹ Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013. С. 79.

² Lukes T. Martialing Machiavelli: Reassessing the Military Reflections // The Journal of Politics. 2004. № 66. P. 1089–1108.

Несмотря на общую солидарность с монархическим аргументом о военной мощи монархий и слабости республик, многие российские авторы XVIII в. считали древний Новгород настоящей «республикой мечей», указывая на его непревзойденную военную мощь. Непосредственным источником переоценки стали сведения из «Ядра российской истории» А. И. Манкиева о военной мощи Новгорода, повторенные такими авторами, как Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов, А. Н. Радищев, В. В. Попугаев, Евгений (Болховитинов), Н. М. Карамзин.

Впрочем, импорт римской образности взаимодействовал с представлениями о «славности и величии» древних славян, характерными для «Синописа». Некоторые историки, как Н. С. Ильинский, попросту смешивали монархическую и республиканскую версии истории древнего Новгорода: в обеих версиях новгородцам сопутствовали великая слава и военное могущество, оспорить которые, как показывает пример антиреспубликанской поэмы М. М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800), было чрезвычайно трудно. Аргументы из прошлого позволяли приступать к радикальной критике российского настоящего: рабство, бесправие, деспотизм – чуждые, наносные явления в истории России. Подобная ориентализация монархии означала, что республиканские ценности можно возродить без угрозы для величия и могущества страны. Тем самым оказывался подорван ключевой для монархической мысли аргумент о связи между формой правления и общим благом.

В параграфе 6.3. «Республиканизм в “Путешествии из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева» рассмотрены республиканские идеи А. Н. Радищева, показан их противоречивый характер. В случаях, когда «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) описывает деяния воображаемого государя-философа, оно превращается в вариант политического романа и следует той манере, которая была укоренена в российской политической мысли секулярного монархизма, с характерной метафорой *зрения* и описанием того,

как государь оказывается поработан собственным аппаратом властвования. В случаях же, когда повествование А. Н. Радищева приобретает исторический характер (как, например, описания циклического хода истории в оде «Вольность», присутствующие также и в «Песни исторической»), можно говорить о разработке им республиканской проблематики коррупции и добродетели. Обличения роскоши, выдержанные в эгалитарно-демократическом духе, напоминающем о сочинениях Ж.-Ж. Руссо, подводят А. Н. Радищева к признанию положительной ценности внутреннего конфликта в республике. Спокойствие «золотого века», бывшее ключевой темой для монархизма, А. Н. Радищев считал маской тирании.

Равным образом противоречивы и взгляды А. Н. Радищева на Новгородскую республику. Говоря о Новгороде в «Путешествии», он характеризует его как коммерческую республику, павшую под ударами мощной монархии; с другой стороны, он упоминает и о военной мощи Новгорода в традиции А. И. Манкиева. Таким образом, Радищев становится республиканцем, когда он ведет речь в историческом ключе, анализируя цикл жизни республики. В случаях же, когда приходится описывать общество, политическая организация которого не является республиканской, Радищев оказывается ближе к монархической литературе XVIII в.

Более последовательной и глубокой оказалась адаптация республиканских идей в трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина. Анализу этого произведения посвящен параграф 6.4. *«Мораль и политика российского Катона: “Вадим Новгородский” Я. Б. Княжнина»*.

Здесь подробно рассмотрен один из важнейших результатов импорта римской образности – образ Вадима Новгородского, отсылающий к такой фигуре римской истории, как Марк Катон. Республиканским героем Вадим предстает под пером М. М. Щербатова, И. П. Богдановича и Г. Миллера. Образ Вадима

стал центральным и для последней трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1789, опубликована в 1793).

Помещая драматический сюжет в исторический контекст, Я. Б. Княжнин, опираясь на сложившуюся уже историографическую традицию, характеризует Новгород как воинственную «республику мечей». Подобно А. Н. Радищеву, Я. Б. Княжнин указывает на связь между республиканской добродетелью и политическим конфликтом; единовластие Рюрика возникает в республике под видом гражданского мира.

Реальные симпатии Я. Б. Княжнина в конфликте остаются неясными. Ряд исследователей полагает, что личная драма Вадима является знаком его поражения¹. Ради последовательной защиты республики Вадим жертвует не только собой, но и Пренестом, Вигором, другими республиканцами и собственной дочерью, которую он объявляет своеобразным «призом», чтобы поднять боевой дух соратников. Макиавеллистские по своей сути действия Вадима могли осмысляться в соответствии с римской традицией, содержащей описание жестоких поступков с близкими ради блага республики².

Историзм повествования позволил Я. Б. Княжнину отстраниться от доминировавшей традиции обсуждения политики и морали, обнаружив связь между республиканской добродетелью и жестоким насилием (так, как она описана, например, у Саллюстия в «Югуртинской войне»). Но апология конфликта оказалась для российских авторов XVIII в. чрезвычайно сложной, противоречащей не только объективному морализму церковной традиции, но и

¹ Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе. С. 105; Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii». P. 313. Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 180.

² Kapust D. Cato's Virtues and The Prince: Reading Sallust's 'War with Catiline' with Machiavelli's 'The Prince' // History of Political Thought. 2007. № 28(3). P. 440–446.

цицероновской добродетели «частного человека», позволявшей (по словам Э. Виртшафтер) «примиряться с проблемами российской монархии» на путях самосовершенствования¹.

Тексты А. Н. Радищева и Я. Б. Княжнина демонстрируют ключевые элементы республиканского политического глоссария, позволяя констатировать: к рубежу 80-х – 90-х гг. XVIII в. республиканская парадигма оказалась адаптирована в отечественной политической мысли. Но если «Путешествие» А. Н. Радищева сохраняло амбивалентность, которая была обусловлена, по-видимому, его жанровой связью с нравоучительными сочинениями XVIII в., то последовательность, с какой Княжнин презентует республиканский макиавеллизм в «Вадиме Новгородском», объясняется именно историзмом повествования. Впрочем, для того, чтобы это стало возможным, потребовался процесс разработки новгородской темы в республиканском ключе, осуществлявшийся в исторических сочинениях российского XVIII в. задолго до Я. Б. Княжнина.

В **заключении** сделаны основные выводы исследования. Процесс складывания республиканской парадигмы идей в российской политической культуре XVIII в. не был ни быстрым, ни легким. Этот процесс определялся сложным взаимодействием между вновь адаптируемыми и традиционными манерами речи, протекавшим в различных коммуникативных контекстах.

Доминировавшей в придворной политической речи риторической манерой был *провиденциальный монархизм*, укорененный в жанре панегирика и проповеди и описывавший власть монарха как Божественную власть. Развивавшийся в XVIII в. компаративный и секулярный политический язык, описывавший Россию как конкретный случай формы правления со своими сильными и слабыми сторонами, находился под мощным влиянием провиденциального монархизма. Поэтому риторические стратегии реформаторских проектов XVIII в. являлись абсолютистскими, и их следует четко

¹ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003. P. 169.

отделять от идей республиканизма. Объединяющим понятием для провиденциального и секулярного монархизма выступала добродетель – соответствие объективному моральному идеалу, постигаемому с помощью разума и явленному в божественном и естественном законе. Такая особенность российского монархизма XVIII в. делала процесс адаптации республиканских идей сложным.

Монархизм господствовал в придворной коммуникативной сфере. Публичное же пространство дискуссий в России возникло в конце 50-х гг. XVIII в., однако оставалось ограниченным вплоть до начала XX в. Причиной такой ограниченности были не только цензурно-законодательные ограничения или слабое развитие соответствующего сегмента книжного рынка в России, но и отсутствие коллегиальных, избираемых органов, в которых могла бы протекать полемика, требующая обширных сочинений с тщательно выверенной политической аргументацией. Соответственно, и жанр политического трактата, памфлета, рассуждения был далеко не так распространен в России, как в Западной Европе.

Поэтому наиболее последовательно адаптация республиканизма осуществлялась не через заимствования новейших достижений европейской мысли (коммерческое процветание, идея прогресса цивилизации, глоссарий естественного права, либеральные концепции прав человека, конституционализм), но через импорт греко-римской образности в исторической литературе. Стараясь выработать как можно более убедительные для читателей модели, активно заимствуя из западной традиции, отечественные историки XVIII в. разрабатывали республиканские темы, вовсе не желая начать атаку на монархию. Но игра с римской образностью привела к последствиям, которых вряд ли ожидали сами эти авторы. К концу XVIII в. они обнаружили, что в отечественном прошлом уже существовала могущественная республика, Новгород; в России сложился собственный республиканский культурный лексикон.

Республиканские идеи оказали влияние на выработку взглядов на коммерцию, сформировав фундамент для антивестернизацион-

ной перспективы в российской культуре. Эти идеи также участвовали в складывании оригинальной концепции дворянского превосходства, на протяжении столетия остававшейся интеллектуальным «щитом» системы крепостного права. Наконец, адаптация республиканских объяснительных моделей в исторической литературе позволила отечественным авторам переосмыслить историю страны, обнаружить у России республиканское прошлое; этот концептуальный сдвиг повлиял не только на декабристов, но и – в определенном смысле – на всю последующую традицию отечественной интеллигенции, ориентированную на возрождение «истинной свободы» народа.

Взаимодействуя с различными другими политическими глоссариями и манерами речи, российский республиканизм порождал сложные концептуальные конфигурации, которые не укладываются в бинарные категории прогресса / реакции, деспотизма / конституционализма, борьбы власти и общества. Формирование республиканских идей в России XVIII в. породило немало дилемм, требуя переоценки отношения к экономике, морали, истории и в конечном счете – к самому процессу вестернизации и модернизации страны.

С этими научными проблемами связаны перспективы дальнейших исследований республиканской темы в политической культуре России Нового времени. В частности, это изучение проблем взаимодействия республиканских идей с крупными интеллектуальными парадигмами XIX столетия – либерализмом, консерватизмом, национализмом, с народничеством и русским марксизмом, выявление сходств и аналогий в диахроническом аспекте на большой временной протяженности отечественной интеллектуальной истории XVIII – XX вв. Другое потенциальное направление исследований – проведение компаративных изысканий в сфере интеллектуальной истории России и других стран с целью установления особенностей функционирования европейского республиканского наследия в различных историко-культурных контекстах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. *Бугров, К. Д.* Европейская философия и российское «переворотство»: «двойной язык» представлений Н. И. Панина о монархии / К. Д. Бугров // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4. – С. 63–69. 0,6 п. л.
2. *Бугров, К. Д., Киселев, М. А.* «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2010. – № 33. – С. 110–139. 1,2 п. л. / 0,6 п. л.
3. *Бугров, К. Д.* Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений / К. Д. Бугров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2010. – № 4. – С. 38–52. 1 п. л.
4. *Бугров, К. Д.* Коррупция и разложение Российской империи: античные модели критической мысли в российской политической культуре второй половины XVIII в. / К. Д. Бугров // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3. – С. 105–113. 0,7 п. л.
5. *Бугров, К. Д.* «Политическое время» российского XVIII в.: темпоральный аспект политических преобразований в реформаторских проектах Н. И. Панина / К. Д. Бугров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4. – С. 71–74. 0,4 п. л.
6. *Бугров, К. Д.* Государственные институты и гражданские добродетели в политической мысли Н. И. Панина (60 – 80-е гг. XVIII в.) / К. Д. Бугров // Cahiers du Monde Russe. – 2012. – № 4. – Р.1–16. 1,2 п. л.
7. *Бугров, К. Д.* Административный опыт шведской «Эры свобод» и проект Императорского совета Н.И. Панина (1762 г.): пробле-

- ма рецепции / К. Д. Бугров // Казанская наука. – 2013. – № 10. – С. 42–45. 0,2 п. л.
8. *Бугров, К. Д.* «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. / К. Д. Бугров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С.179–188. 0,8 п. л.
 9. *Бугров, К. Д., Киселев, М. А., Соколов, С. В.* Нормативно-юридический подход к изучению дворянского сословия в России середины XVII – 1-й половины XIX в. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев, С. В. Соколов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 240–244. 0,3 п. л. / 0,1 п. л.
 10. *Бугров, К. Д.* «Палладиум России»? Монархизм как дискурс российской модерности / К. Д. Бугров // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2013. – № 4. – С. 94–102. 0,8 п. л. (Scopus)
 11. *Bugrov, K. D.* Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770) / К. Д. Бугров // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 36 (2). – С. 245–253. 0,6 п. л. (Scopus)
 12. *Bugrov, K. D.* Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th Century Russian Political Thought / К. D. Bugrov // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 37 (3). – С. 491–498. 0,6 п. л. (Scopus)
 13. *Бугров, К. Д.* Коллективный актор или риторическая фигура? «Дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. / К. Д. Бугров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 7–1. – С. 11–21. 0,8 п. л.
 14. *Бугров, К. Д.* К проблеме рецепции европейской политической мысли в России XVIII в.: три предисловия к русским переводам Цицерона / К. Д. Бугров // Казанская наука. – 2015. – № 9. – С. 17–20. 0,2 п. л.

15. *Бугров, К. Д.* «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. / К. Д. Бугров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 145. – № 4. – С. 143–156. 1 п. л.
16. *Бугров, К. Д.* Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа / К. Д. Бугров // Quaestio Rossica. – 2015. – № 4. – С. 267–276. 0,5 п. л. (Web of Science)
17. *Бугров, К. Д., Киселев, М. А.* Рец. на кн.: Smith, A. K. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Российская история. – 2016. – № 1. – С. 172–175. 0,3 п. л. / 0,1 п. л. (Web of Science)
18. *Бугров, К. Д., Киселев, М. А.* Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 2. – С. 29–36. 0,6 п. л. / 0,3 п. л.
19. *Бугров, К. Д.* «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. / К. Д. Бугров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3–2. – С. 27–33. 0,5 п. л.
20. *Bugrov, K. D.* Religious legitimation of monarchy in 18th century Russia / K. D. Bugrov // European Journal of Science and Theology. – 2016. – № 12/4. – P. 7–16. 0,5 п. л. (Scopus)
21. *Bugrov, K. D.* The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2nd half of 18th century – 1st quarter of 19th century) / K. D. Bugrov // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – № 41 (3). – С. 600–610. 0,8 п. л. (Scopus)
22. *Бугров, К. Д.* Бездна неравенства: «язык гражданственности» в России от XVIII века до XVIII съезда / К. Д. Бугров // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – С. 245–258. 1 п. л. (Web of Science)

23. Бугров, К. Д., Киселев М. А. Есть ли место демократии из России? / К. Бугров, М. Киселев // *Quaestio Rossica*. – 2016. – Т. 4. – № 4 – С. 286-297. 1 п. л. / 0,5 п. л. (Web of Science)
24. Бугров, К. Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII в. / К. Д. Бугров // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2017. – Т. 19. – № 1 (160). – С. 160–176. 1 п. л.

Монографии:

25. Бугров, К. Д. *Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина* / К. Д. Бугров. – Екатеринбург: БКИ, 2015. – 272 с. 15, 8 п. л.
26. Бугров, К. Д., Киселев, М. А. *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века* / К. Д. Бугров, М. А. Киселев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университетское изд-во, 2016. – 480 с. 30 п. л. / 15 п. л.

Другие публикации:

27. Бугров, К. Д. Идеология «возвращения к принципам»: традиции и инновации в политическом дискурсе российской модерности / К. Д. Бугров // *Новая Россия в мировом политическом процессе. Материалы международной научно-практической конференции, 21-23 апреля 2011 г.* – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – С. 181–185. 0,2 п. л.
28. Бугров, К. Д. Концепция Императорского совета в реформаторских проектах Н. И. Панина (60 – 80-е гг. XVIII в.): источники аргументации и политический контекст / К. Д. Бугров // *Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Россия и Запад в переходный период от средневековья к ново-*

- му времени (XVI – первая пол. XIX в.)». – Екатеринбург: НИМП «Волот», 2011. – С. 186-192. 0,3 п. л.
29. *Бугров, К. Д.* «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. / К. Д. Бугров // *Quaestio Rossica*. – 2013. – № 1. – С. 117-127. 0,9 п. л.
30. *Бугров, К. Д.* «Прозект о учреждении порядков следующих к правосудию»: источник по истории российской политической мысли XVIII в. / К. Д. Бугров // *Документ. Архив. История. Современность : материалы V Международной научно-практической конференции*, Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – С. 163–168. 0,4 п. л.
31. *Бугров, К. Д.* Насколько регулярным было «регулярное государство»? Властные практики российской монархии XVIII в. на примере Екатеринбургского уездного суда / К. Д. Бугров // *Одиннадцатые татищевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – 2015. – С. 16–20. 0,2 п. л.
32. *Бугров, К. Д.* «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция русского монархизма / К. Д. Бугров // *Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции*, Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 231–237. 0,3 п. л.
33. *Бугров, К. Д.* Драматургия политического театра / К. Д. Бугров // *ВИВЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. – 2017. – № 5. С. 149–154. 0,2 п. л.